

Евгений Деменок

Одесские корни Сони Делоне. Судьба отца

Судьба отца Сони Делоне оставалась до последнего времени совершенно не описанной. Нужно сказать, что сама Соня в своих воспоминаниях (в 1978 году вышла ее автобиография «*Nous irons vers le soleil*», составленная в основном ее другом Жаком Дамасом) упомянула родителей и брата лишь вскользь. Первые двадцать лет ее жизни крайне скудно описаны и в многочисленных биографиях художницы, и это объяснимо – она сама довольно редко о них рассказывала, и у биографов просто не было информации.

Ситуация изменилась после того, как известный французский исследователь украинского авангарда Жан-Клод Маркадэ передал мне часть ее архива, а именно ряд документов, касающихся детских и юношеских лет, а также переписку с родителями и родственниками. Жан-Клод был хорошо знаком с Соней и в последние десять лет ее жизни не раз бывал в гостях в ее парижской квартире на rue de Saint-Simon, 16. После восьмидесяти она начала систематизировать свой архив, готовя основную его часть к передаче в Национальную библиотеку Франции, а позже и в Библиотеку Кандинского, находящуюся в парижском Государственном музее современного искусства в Центре Жоржа Помпиду. А часть документов, связанных с ранними годами жизни и Одессой, Петербургом, Карлсруэ, передала Маркадэ. Собственно, именно Жан-Клод Маркадэ первым начал публиковать подтвержденные документально подробности о ее одесских родственниках и круге петербургских друзей.

Параллельно мне удалось получить ряд сведений из Государственного архива Одесской области. В частности, мне удалось най-

ти в книгах одесского раввината записи, связанные с ее семьей, с рождением двух братьев и смертью одного из них. И вот теперь, соединив эти находки с документами из архива самой художницы, сохраненного Маркадэ, можно восстановить множество деталей того, как прошли первые двадцать лет жизни Сары Штерн, ставшей позднее Софи Терк, а потом и Соней Делоне.

Свою работу я начал с писем от родителей, которые практически всю жизнь жили и умерли в Одессе. После многолетних исследований нам с родственником Сониной тети, Анатолием Белогорским, удалось установить обстоятельства жизни и смерти брата Сони, Соломона Штерна. Судьба матери, Ханы Штерн (в девичестве Терк), прослеживается благодаря ее письмам к Соне, последнее доступное из которых датировано 1931 годом. Переписка же с отцом Элей (Ильей) Штерном прервалась в 1917 году. Что происходило с ним после этого, известно не было.

Архивные находки позволили определить, что родился Эля Штерн в 1858 году. Достоверно мы узнали и то, что он служил в армии – в книге раввината в записи о рождении Сони указано, что он был «уволненным в запас». То же самое указано в записи о бракосочетании Сониных родителей.

Всесословная воинская повинность была введена в Российской империи 1 января 1874 года. С этой даты призыву на службу подлежали молодые люди, «которым к 1-му января того года, когда набор производится, минуло двадцать лет от роду». Для армии устанавливался шестилетний срок действительной службы, для флота – семилетний. Устав о воинской повинности предусматривал разнообразные льготы и освобождение от службы по состоянию здоровья, роду занятий и семейному положению. Например, от службы освобождались единственные сыновья у родителей, а также единственные способные к труду: сын «при отце, к труду не способном, или при матери-вдове»; брат при «круглых сиротах, братьях или сестрах» и внук «при деде или бабке, не имеющих способного к труду сына».

Исходя из этого, можно предположить, что Эля был не единственным ребенком в семье и завершил службу совсем незадолго до свадьбы. 16 июня 1885 года в книге «О бракосочетаниях» под номером 244 сделана запись о том, что брак уволенного в запас

Эли Штерна, холостяка, с дочерью одесского мещанина Товия Терка, девицей Ханой, состоялся 21 мая 1885 года. У обоих это был первый брак. Обряд бракосочетания совершил раввин Шмуэль Янкелевич Полинковский. Эле (в книге он записан как Эля) на тот момент было двадцать семь лет, Хане двадцать два. Сара родилась через пять месяцев после бракосочетания родителей, 1 ноября (по старому стилю) 1885 года, то есть брак был, скажем так, вынужденным.

Рождение ребенка оказало влияние на все дальнейшие события. Эля, вернувшийся из армии и сразу женившийся (легко подсчитать, что служил он с 1878 по 1884 год), был вынужден начать зарабатывать, и вряд ли этот заработок был достаточным для безбедного существования молодой семьи. Для начала предстояло получить профессию, и мы теперь знаем, что получил он ее в Одесском ремесленном училище Общества «Труд». Это было училище для бедных еврейских мальчиков, открывшееся в 1864 году и находившееся в доме № 17 по Базарной улице. Все это удалось узнать благодаря данным, полученным во время Первой всеобщей переписи населения Российской империи. В данных переписи указано его отчество – Иосъев (Осипович), и по состоянию на 1 января 1897 года Эля Штерн вместе с женой Ханой и четырехлетним сыном Соломоном жил в Одессе по адресу: Прохоровская, 28, квартира 9, дом Степанова. Работал он в то время механиком при фабрике по производству крючков к дамским платьям, в отношении к воинской повинности был нижним чином запаса. В ведомости указано, что Хана не работала, была «при муже», а образование получила «дома». Родным языком всех троих указан русский, сословие – мещанское. Также указано, что все трое родились в Одессе.

3 января 1888 года у него и Ханы рождается сын Зейлик. И рождается именно в Одессе, о чем неоспоримо свидетельствуют все те же книги раввината. Обряд обрезания совершил раввин Блинчевский. Зейлик умер от скарлатины в пятилетнем возрасте 18 октября 1893 года (запись 1179 книги «Об умерших»). Однако к тому времени у Штернов родился еще один сын, уже упомянутый выше Соломон, которого родные и друзья всю жизнь называли Семой. Произошло это радостное событие 28 июля 1892 года (обрезали мальчика 4 августа). И, как вы уже догадались, тоже в Одессе.

Дальнейшие находки, сделанные уже при разборе архива Жана-Клода Маркадэ, позволили выяснить, что после фабрики по производству крючков к дамским платьям (тема моды вошла в жизнь Сони с раннего детства) Эля Штерн работал управляющим на Заводе белой жести и металлических изделий инженера М.Г. Левина, причем проработал там, по словам жены Ханы, двадцать семь лет. Очевидно, что из Одессы они никуда уже не переезжали. Долгие годы они жили в квартире 26 дома № 8 по улице Херсонской. Первое упоминание об этом адресе я нашел в письме к Соне от Анны Сергеевны (на самом деле Израилевны) Терк, жены ее дяди Генриха, брата матери, в семье которых в Санкт-Петербурге она воспитывалась и выросла. Датировано оно 28 октября 1907 года: «Если не ошибаюсь, одесский адрес Херсонская, 8». Тот же адрес сохраняется до начала 1930-х в письмах мамы к Соне и в письмах ее родственников и знакомых.

Однако к моменту рождения брата Соломона будущая великая художница уже не жила в Одессе и даже не жила с родителями. Что именно побудило их отдать дочь на воспитание в семью родственников, мы уже вряд ли узнаем. Скорее всего, причиной были финансовые затруднения – молодой семье тяжело было сносно обеспечить двух детей, к тому же ожидали третьего. Хана Штерн соглашается отдать Сару на воспитание своему преуспевающему обеспеченному брату Генриху Терку и его жене Анне, которая после перенесенной операции не могла иметь детей. Соня стала для Генриха и Анны практически родной дочерью – тетя даже определенным образом ревновала ее к родителям, что сквозит в ее письмах. Хотя согласие на удочерение, которого они добивались, Хана Штерн так и не дала. Так что фамилия Терк, которую девушка (именно после переезда в Санкт-Петербург она из Сары стала Софи, а позже Соней) носила долгие годы, была фактически псевдонимом – в документах до замужества она значилась как Сара Штерн.

Конечно, оторванность девочки в таком раннем возрасте от родителей не могла не пройти бесследно. 14 августа 1904 года, готовясь к отъезду на учебу в студии профессора Людвиг Шмид-Ройтте в Академии художеств в Карлсруэ, она записала в дневнике: «Написала письмо родителям, сообщая о своем отъезде за границу. Как они мне чужды: ничего общего, ни капли любви

не привязывает меня к ним. Ужасно и невероятно – и только доказывает, что в родственной (кроме материнской) любви главное дело в привычке». Эти слова можно было бы отнести насчет юношеского максимализма, но и на закате жизни в автобиографии она писала: «Мой отец был рабочим. В Градижске на Украине он работал на гвоздильной фабрике. От него у меня большая принципиальность, отвращение к алчности и мелочности. Он не выносил, когда жалуются. Это его настраивало против моей матери, которая только и делала, что ныла и стонала над своей долей. Это явно является причиной моей нелюбви к ней. Уже с 3-х лет я реагировала, как отец. Всю жизнь я сжимала зубы и не жаловалась; я не люблю хнычущих».

В конце жизни она была уже совершенно другого мнения об отце, нежели в юном возрасте. Вот еще один фрагмент из автобиографии:

«Недавно я получила письмо от украинки, живущей в США, вышедшей замуж за директора одной из художественных галерей. В своем письме она вспоминает о моем отце, с которым она была знакома: «Это человек, который закончил свою тяжелую рабочую жизнь во главе завода, где начинал простым рабочим. До конца своих лет сохранил требовательность и принципиальность, которые были у него в молодости. Он остался чистым и суровым человеком, никогда не опускался до низости и не выносил мерзости» И тут я поняла все, чем обязана своему отцу».

Мы еще вернемся к этому письму.

Отношение к матери у Сони, однако, не изменилось. Тем не менее она постоянно помогала ей, живущей крайне бедно, отправляя уже в 1920-х из Парижа и денежные переводы, и посылки.

Наверняка она виделась с родителями и во время жизни в Петербурге. Нам уже точно известно, что мама приезжала к ней в Париж как раз в то время, когда она готовилась к свадьбе с Робером Делоне и уже была беременной. В письме из Санкт-Петербурга от 12 (25) сентября 1910 года тетя Анна пишет: «Хотелось бы знать, долго ли останется твоя мама в Париже. Сообщила ли ты ей о своем будущем?». Интересно, что Соня повторила судьбу своих родителей – она родила сына всего через два месяца после свадьбы, состоявшейся 15 ноября 1910 года.

Приезжал в Париж – причем надолго – и Сонин брат Соломон. Он приехал туда в начале 1909-го и находился до лета 1911-го.

Переписка с родителями становится интенсивнее после смерти Анны Сергеевны Терк (она умерла 11 августа 1911 года в Швейцарии и была кремирована в Берне). Письма из Одессы приходили Соне даже во время Первой мировой войны – благодаря тому, что они с Робером находились в то время в нейтральных Испании и Португалии. В конце 1917 года переписка с Одессой прервалась на восемь лет, а в 1925-м возобновилась, но только с матерью.

Письма от отца Эли (Ильи) Штерна датированы периодом 1911-1917 годов. Все они написаны на бланках «Инженер М.Г. Левин. Завод белой жести и металлических изделий. Завод и контора: Куяльницкая дорога, собств. дом № 17. Телефон № 30-25». Вполне вероятно, что в первые годы завод располагался по другому адресу. Немногочисленные источники, в которых он упоминается, свидетельствуют, что завод белой жести и металлических изделий М.Г. Левина был основан в 1896 или 1898 году. Впервые он упоминается в адресном справочнике «Вся Одесса на 1904/5 год»; правда, принадлежащий М. Левину участок значится по расположенной рядом улице Филодорова, 19. Есть сведения о том, что 25 июня 1907 года инженер Левин был убит, и управление производством перешло к его жене, которую в одном из писем упоминает Илья Штерн.

Завод упоминается также в вышедшем в 1910 году в Москве справочнике Л.Б. Кафенгауза «Синдикаты в русской железной промышленности» (с. 100).

Предприятие располагалось на собственном участке, но несмотря на то, что было довольно крупным, на картах обозначено не было, поэтому точное расположение его неизвестно. Вполне возможно, что в «собственном доме» располагалась только контора. Тогдашняя Куяльницкая дорога – сегодня Известковая улица, и дом Левиных располагался ориентировочно рядом с сегодняшним 79-м номером. Я ездил туда, чтобы сделать фотографии, но ничего примечательного не обнаружил – лишь типичные для Известковой невзрачные одноэтажные дома за высокими заборами.

Нужно заметить, что в своих письмах в Париж, отправленных после 1925 года, Хана Штерн ни разу не упоминает о судьбе своего мужа и Сониного отца. Но сам факт отсутствия писем от него самого заставил меня предположить, что он умер в 1918-1920 годах.

И вот теперь благодаря Валерии Дороговой, блестящей исследовательнице творчества Сони Делоне, удалось закрыть лагуну относительно последних дней жизни ее отца – и не только. Нам теперь известно, что Илья Штерн в 1914 году побывал в Париже и видел не только дочь и ее мужа, но и своего внука, будущего теоретика джаза Шарля Делоне.

В библиотеке Кандинского, находящейся в Центре Помпиду, в Фонде Сони и Робера Делоне ей удалось найти удивительное письмо на французском языке к Соне Делоне из Нью-Йорка, подписанное именем Renée Raggio.

Привожу текст письма практически полностью:

«Нью-Йорк, июнь 1970

Дорогая мадам Делоне,

Пишу Вам с огромным волнением, потому что уже много лет я хотела с Вами познакомиться...

Я не большой знаток живописи (моя дочь – да, потому что она историк искусства), но все же я присутствовала и посетила Вашу выставку в Венеции в 1962 году, а за несколько лет до этого – выставку в Нью-Йорке на Мэдисон. С тех пор, как Нина написала мне примерно три недели тому назад, я даже нашла Ваш портрет на афише выставки в Венеции, которую я сохранила на память о Вас.

Мне безмерно жаль, что я могу лишь очень частично удовлетворить Ваше желание получить от меня воспоминания о Вашем отце, так как, к сожалению, он умер весной 1919 года, через 6 месяцев после моей матери, а вскоре после этого я уехала из Одессы в Рим. Мне было 19 лет, и до этого времени, даже после замужества, я оставалась ребенком.

Пока была жива моя мать, она занималась фабрикой, полностью руководила ею, а мы – дети (мой младший брат и я) – жили своей детской жизнью: школы, частные уроки. Наши дни были очень насыщены, и, будучи богатыми, мы не задумывались о том, чем займемся в будущем.

New York June 1970

Chère Madame Selamaj,

C'est vraiment une émotion pour moi de vous écrire
parce que depuis des années je désirais vous connaître.
Je ne suis pas grand connaisseur de peinture, ma fille
l'est parce qu'elle est historienne d'art, mais j'ai vu
votre exposition à Venise en 1962, et quelques années
avant celle de NY à Madison St. Depuis que Nina m'a écrit
il y a un 25-aine de jours, j'ai même retrouvé votre portrait
sur l'affiche de Venise que j'ai gardée en votre souvenir.

Je regrette infiniment ne pouvoir satisfaire que bien
peu réellement votre désir d'avoir par moi le nombre de
venirs sur votre père, car malheureusement il est mort au
printemps 1913 6 mois après Rome. C'était le jour de
après lui qu'il a été à Gerra pour mon mariage
à mes 19 ans, et jusqu'à, même après mon mariage
avec Gregorio Winkler je n'avais été qu'une enfant.
Tant que ma mère a vécu elle s'est occupée de l'éducation
plein pouvoir et nous - en fait - mon petit frère et moi
nous avions notre ne en fait - nos écoles et nos
leçons privées. Nos journées étaient bien calées et
étaient riches on ne pouvait pas à ce que l'on ferait
l'avenir. Quand ma mère est morte le 13 octobre 1918
presque subitement fait ce qui était fabriqué et argent
était pour moi complètement dans les mains de mon
mari - je me suis mariée le 16 janvier 1919 en a refusé
voicement de me faire participer à aucune façon à tout
ce qui regardait nos intérêts sans prétexte que cela
aurait affecté son honneur comme chef de famille.

Sans doute ma mère avait eu un rôle au moins
un peu aux affaires. Peut être si j'avais eu besoin au moins
quelque chose en main je pourrais quelque négoce. Cependant
des affaires sans succès aurait été obtenus grâce et tout meserait
pas parti comme un songe.

Après la mort de papa, deux grands appuis de ma mère
ont été son père - les frères - et celle époque et tout
d'arthritose entre Avril 1918, et venait à mourir quelques

11010

Письмо от Рене Раджи

Когда моя мать умерла 6 октября 1918 года, для меня все, что касалось фабрики и денег, закончилось окончательно. Я вышла замуж 16 января (3 января по старому стилю), и муж настоял, чтобы я отказалась от своих интересов в семейном предприятии; меня категорически не хотели допускать к участию во всем, что касалось наших интересов, под предлогом, что это якобы затрагивало честь главы семьи! Без сомнения, моя мать должна была хотя бы немного приучить меня к делам. Возможно, если бы я знала хоть что-то серьезное, в нашей наивности было бы меньше ошибок, и все бы не пошло так плохо...

Мать лишилась обеих своих опор: сначала не стало папы, затем от атеросклероза после долгих лет болезни между апрелем и маем 1918 года умер и ее собственный отец – мой дед.

Некоторые советы по коммерческой части поступали от деда. Но главным образом руководил фабрикой именно господин Штерн: он занимался техникой производства, приемом и выполнением заказов и так далее. Думаю, моя мать доверяла ему это, и он как бы защищал нас, и в особенности саму фабрику. Но, конечно, никто не мог ожидать и предвидеть, что ваш отец заболел тяжелой формой туберкулеза – то ли быстро прогрессирующей, то ли сенильной (точно не знаю).

Он был еще довольно молод и выглядел таким: чуть выше среднего роста, держался очень прямо, носил небольшую бородку, которая, как оказалось, снова вошла в моду. Его борода и волосы все еще оставались совсем черными. Думаю, ему не было и 58 лет. Как бы его лечили сегодня, когда медицина решила так много проблем, тогда еще неразрешимых? Туберкулез в 1919 году был неизлечимой болезнью. Может быть, его замкнутость и страшная преданность долгу тоже его изнуряли. Все дни он проводил на фабрике, и, вероятно, довольно долго переносил недомогание молча. Когда болезнь была диагностирована, для лечения было уже слишком поздно. Его отправили в санаторий, который находился в одной из живописных окрестностей Одессы, недалеко от моря.

Так как весь 1918 год и начало 1919-го были беспокойными временами из-за политических кризисов, последовавших за Революцией, нашу свадебную поездку мы совершили лишь через 3 месяца после брака.

Перед отъездом мы поехали в санаторий навестить Вашего отца! Естественно, мы не понимали, что это было прощание навсегда. Стояла теплая весна, ваш отец сидел в шезлонге в саду.

Он был спокоен и улыбался; может быть, в тот момент он находил удовлетворение в мысли, что я нахожусь под защитой порядочного человека, ведь именно Ваш отец был одним из свидетелей на нашей свадьбе, и что мое будущее будет безоблачным, как и будущее его собственной дочери.

Мы немного поговорили и расстались с пожеланиями счастливого путешествия (мы ехали на месяц в Крым) и скорейшего выздоровления для нашего Вашего отца. Нам было немного грустно, когда мы покидали санаторий, потому что мы знали, что туберкулез – это не та болезнь, которую легко победить.

Во время нашей поездки из-за одного из многочисленных политических кризисов, захлестнувших Украину вплоть до начала августа, мы не получали никакой почты. Наше возвращение в Одессу оказалось трудным и сопровождалось приключениями, и когда мы приехали в середине мая, то узнали, что господин Штерн умер... Это было для меня тяжелым и болезненным известием.

Надо сказать правду: я очень мало знала Вашего отца – хотя, странное совпадение, он был в каком-то смысле одним из главных действующих лиц, которые умножали наше состояние, и без умысла, и, конечно, без ведома (ведь кто знает будущее?) – приняв участие в его крахе.

В письме Нина написала мне, что Вы думаете, что Ваш отец прошел путь от простого рабочего к должности технического директора, которым он стал благодаря своим способностям. Я думаю, это не совсем точно.

У моего отца было две фабрики. Первая выпускала керосиновые лампы – полагаю, это было еще в конце прошлого века. Собственность этой фабрики была наполовину у еще одного человека – кажется, это был некий господин Шер. Эта фабрика сгорела, и мой отец основал другую (так уж сложилось). Когда говорят, что «он построил свои фабрики», это, скорее, образное выражение. В реальности инженер и техник не могут собственными руками построить гигантскую металлургическую фабрику на 300 рабочих мест.

А в действительности все было так: мой отец и Ваш подняли производство минимальными усилиями. Они управляли рабочими, наблюдали за производством вблизи, приходили на помощь в самые трудные моменты, особенно в том, что касалось техники. Ведь станки делают больше, чем просто работают: они требуют человека, и даже знания, выходящие за пределы простого рабочего. Я знаю, что мой отец, перед тем как поставить человека на производство, сам испытывал все машины, и именно так он и повредил руку – на станке ему отрезало фаланги третьего и четвертого пальцев левой руки. С тех пор он всегда носил протез из резины. Естественно, как только установка была завершена и работа запущена, Ваш отец благодаря своим высоким профессиональным и моральным качествам быстро достиг вершины управления всей технической частью. А после смерти моего отца фактически именно господин Штерн руководил всем делом на протяжении 11 лет. Моя мать, которая по каким-то своим причинам никому не доверяла, имела к нему полное доверие. Он никогда этим не злоупотреблял и всегда сохранял чрезвычайно скромное поведение.

Осенью 1913 или весной 1914 года, когда возникла необходимость прямого контакта с поставщиками и клиентами за границей, моя мать поехала в Англию и Францию, взяв с собой и господина Штерна. Именно во время этой поездки она познакомилась с Вами и господином Робером Делоне. Моя мать была музыкантом и в живописи, особенно в современной, ничего не понимала. Но сама личность господина Делоне настолько ее очаровала, что она передала мне все его объяснения и рассуждения с удивительной точностью.

Через несколько недель после возвращения путешественников, в один из дней, когда господин Штерн вернулся в город, чтобы встретиться с мамой, он пригласил меня в кабинет моей матери, чтобы показать мне портрет маленького мальчика в бархатном костюме с большим кружевным воротником. Портрет Вашего сына только что прибыл. Ваш отец был им очень горд, и я тоже с большим восторгом любовалась этим прекрасным портретом очаровательного мальчика... Это были, по-видимому, последние вести на долгое время... В августе разразилась война, а затем – Революция...

К концу этого периода, весной 1918 года, произошло событие, которое наложило отпечаток на всю мою дальнейшую жизнь. Я пишу Вам об этом потому, что моя кузина Нина сказала мне, что Вам будет приятно, если я поделюсь своими воспоминаниями, которые ожили сильнее, чем когда-либо. Когда умер Керенский, газеты Нью-Йорка заполнились статьями, рассказывающими о его прошлом. Главным моментом была его катастрофа весной 1918 года. Большевики окончательно подчинили Украину лишь спустя некоторое время. В этот период в Одессе сменилось 17 правительств!

В феврале 1918 года там правил коммунистический режим на протяжении месяца, реквизируя все возможное и сажая в тюрьму или убивая всех богатых людей, которых мог поймать. Каждый, охваченный ужасом, старался укрыться у кого-то из близких. Мы разбежались: мать отправилась в клинику, брат – к нашему дяде-врачу, а я... я нашла приют в доме ваших родителей на Херсонской улице, № 8. Дом был скромный, но я до сих пор очень живо помню их деликатность и доброту.

К сожалению, именно в тот месяц возродилась моя детская дружба с детьми Варшавчиков (раньше мы играли вместе на даче), и тогда же завязался мой роман со старшим сыном. Отец этой семьи занимал скромную должность на фабрике Вальтух (где производили гвозди и прочее). Эта фабрика находилась напротив нашей, и, естественно, господин Штерн и господин Варшавчик были хорошо знакомы. Семья Варшавчик жила прямо на углу, напротив ваших родителей, по адресу Херсонская, № 10, и как только наше знакомство возобновилось, я целыми днями бывала у них, возвращаясь в дом ваших родителей лишь на ночь.

Я думаю, что мой муж (мой бывший муж, то есть) мог бы иметь для вас некоторые интересные воспоминания, тем более что, будучи почти на пять лет старше меня, он сохранил их, возможно, больше и точнее. Не знаю, захотите ли вы ему написать, чтобы спросить об этом. Разумеется, нельзя ни в коем случае упоминать, что я вам это подсказала. В таком случае он бы вам не ответил. После нашей свадьбы – как это было предусмотрено в завещании мамы, наряду с вашим отцом – право опекать меня и моего

младшего брата перешло к Григорию Варшавчику, и именно поэтому мой муж получил власть принимать решения, доверив деньги моей семье своему отцу вопреки моей воле... Небольшой суммы, которую мы увезли с собой в Италию, могло хватить лишь на несколько месяцев для трех человек. Эти деньги должны были позволить моему мужу поступить в Академию художеств в Риме и получить там диплом архитектора.

Фашистский кризис того времени не позволил ему найти работу в Италии, и он эмигрировал в Бразилию. Все это, разумеется, снова за счет моих последних средств. Но вместо того, чтобы выслать мне денег на дорогу для воссоединения с ним, как было условлено, он добыл себе фальшивые документы холостяка и, предлагая свой знаменитый диплом архитектора (полученный на мои деньги), получил, так сказать, немало выгодных строительных подрядов. Там он женился на некоей Мине Клабин, другой богатой наследнице, – благодаря ее деньгам и связям он сумел создать себе огромное состояние. Я никогда не смогла его привлечь к ответственности законным путем. Бразилия – это страна, где справедливость и законы еще более призрачны, чем где-либо.

Может быть, вы знали сестру Мины Клабин – Жен (Жене) Клабин. Она была замужем за художником Лазарем Сегалом – он уже умер несколько лет назад. Мне рассказывали, что при его жизни семья Сегалов проводила в Париже много времени.

Существование моей дочери объясняется несчастной и очень краткой встречей, которая произошла в начале моих лет бедствий. Я посвятила свою жизнь этому ребенку – одаренному значительными интеллектуальными способностями и исключительной доброй волей.

<...> Слишком долго было бы рассказывать все, что нам с дочерью пришлось преодолеть, чтобы выжить и дать ей возможность получить диплом Римского университета. Это совпало с послевоенным временем – очень тяжелым для Италии и малопригодным для начала карьеры для того, кому нужно было зарабатывать деньги сразу.

Попробовав счастья в Соединенных Штатах, моя дочь нашла там работу в Метрополитен-музее, где ее очень ценят: она стала

souhaite de tout cœur de pouvoir garder long-
quement encore bonne santé et toute l'énergie
pour continuer une vie créative.

J'espère tout de même un jour avoir la joie
de vous connaître, non seulement parce que
vous êtes un peintre éminent, mais aussi ^{aussi}
parce que vous appartenez en quelque sorte
à la meilleure partie de moi, partie disparue.
On m'a passément de telle joie et de tel miracle!

Encore une fois bien cordialement avec
l'espoir que mes modestes détails sur votre
père vous seront utiles.

Veuillez excuser mon mauvais griffonnage,
mais pour moi c'est plus rapide que la
machine à écrire. J'en ai l'occasion de m'en
servir que bien rarement.

Renee Raggio.

Mon adresse:

Mrs. Renee Raggio
64 East 94th. New York 10028 N.Y.

U. S. A.

хранителем отдела скульптуры. Она также преподавала в течение четырех лет в одном из университетов Нью-Йорка (Institute of Fine Arts). Таким образом, она создала себе социальное положение, которое я сама не могла бы ей дать.

<...> Музей часто отправляет мою дочь работать в Европу, и я ее сопровождаю, потому что ненавижу Нью-Йорк и рада почти каждый год снова увидеть Европу. Часто моей дочери приходится бывать в Париже, где мы уже несколько лет останавливаемся в отеле Монтальбер. Он находится в 7 аррондисмане, видимо недалеко от вас, но хоть я не смогла найти улицу С. Симон на карте нашего путеводителя – кажется, что эта маленькая улочка находится совсем рядом с Монтальбером.

Как же я жалею, что никогда не имела смелости встретиться с Вами. Нину я тоже отыскала только прошлым летом (я не видела ее 45 лет!). Мы приезжаем в Париже лишь ненадолго, и мне потребовалось три поездки, три года, чтобы узнать ее адрес. Теперь, когда лед растоплен, я хочу как никогда познакомиться с Вами, но не знаю, удастся ли мне в этом году проехать через Париж. К тому же сомневаюсь, что Вы будете там все лето, особенно в августе.

Прощаюсь с Вами с теплым и благодарным приветом в память о Вашем отце.

Я от всего сердца желаю Вам крепкого здоровья и сил, чтобы продолжать творческую жизнь.

Я по-прежнему надеюсь однажды получить радость встречи с Вами не только потому, что Вы выдающийся художник, но и потому, что Вы в каком-то смысле принадлежите к лучшей части моего ушедшего прошлого. Такие радости и чудеса случаются нечасто!

Еще раз искренне посылаю Вам свои наилучшие пожелания, надеясь, что мои скромные воспоминания о Вашем отце будут Вам полезны.

Прошу извинить мой небрежный почерк, но для меня писать так быстрее, чем на машинке. У меня редко бывает возможность пользоваться ей.

Рене Раджио

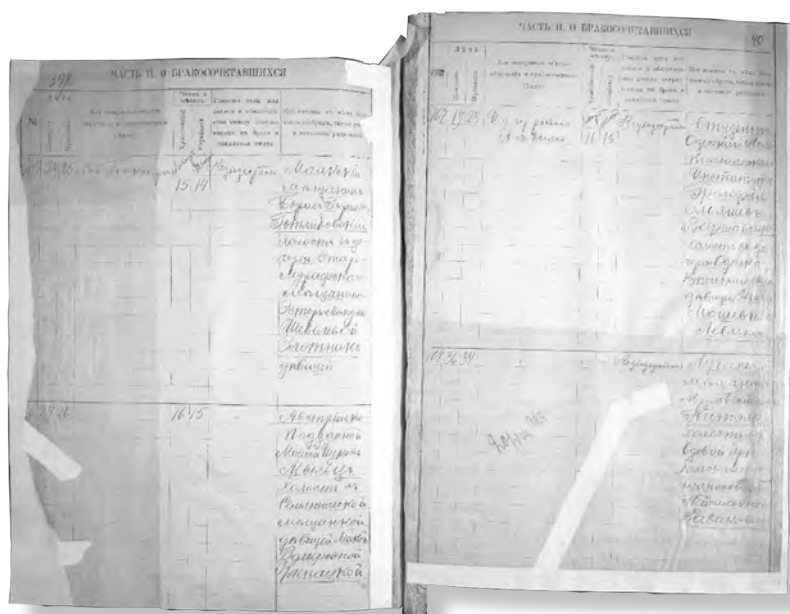
Мой адрес: Mrs. Renée Raggio, 64 East 94th St., New York 10028, N.Y., U.S.A.»

*

Это удивительное письмо, из которого я не опубликовал лишь некоторые детали личной жизни автора, не только открывает целый пласт новых имен, но и вызывает новые вопросы.

Начнем с того, что Нина, которую упоминает Рене как свою кузину, – это, скорее всего, та самая украинка, которую в свою очередь упоминает сама Соня Делоне в автобиографии («Недавно я получила письмо от украинки, живущей в США, вышедшей замуж за директора одной из художественных галерей...»). Вряд ли это сама Рене – хотя не исключено.

Во-вторых, настоящее имя самой Renée Raggio – Раиса Мошевна Левина. В книгах одесского раввина есть запись о том, что студент Одесского политехнического института Григорий Эльяшев Варшавчик 16 января 1918 года женился в Одессе на «дочери одесского купеческого сына» девице Раисе Мошевне

Запись о браке Григория Варшавчика и Раисы Левиной

Левиной (1898-1991). Ей в тот момент было девятнадцать лет, ему двадцать три.

В-третьих, по-прежнему не уточнен вопрос местонахождения завода белой жести и металлических изделий инженера М.Г. Левина. Если он находился напротив фабрики Вальтух, то, возможно, его здание до сих пор сохранилось.

Семья Вальтух – важная для истории Одессы. Купец Герц-Генрих Исаакович Вальтух был одним из первых евреев, приехавших в 1820-е годы в Одессу из города Броды. Он стал основателем купеческой династии. Немного позже, после окончания Киевского медицинского института и стажировки в Европе, в Одессу приехал его брат Арнольд Исаакович, который стал основателем медицинской династии. Сын Герца Марк стал знаменитым, уехав из Одессы в Италию, – он был драматургом, публицистом и переводчиком, увлекался спиритуализмом. Еще один сын, Адольф, родившийся в 1837 году, пошел по стопам дяди Арнольда и стал врачом. После окончания Императорского университета Святого Владимира в Киеве он совершенствовался в Праге и Лондоне, а в 1863 году получил звание лицензиата в лондонском Королевском колледже врачей. На некоторое время вернулся в Одессу, принимал участие в борьбе с холерой, но затем на постоянной основе обосновался в Манчестере. Кроме медицины он увлекался шахматами, создал в Манчестере несколько шахматных клубов, а его сын Виктор-Леонард дважды стал чемпионом Лондона и на Олимпийских играх 1930 года играл за сборную Англии.

Дело отца продолжил сын Давид. В 1876 году он начинает строить завод по цинкованию и лужению жести на ул. Прохоровской, 48. 25 сентября 1876 года хозяйственный стол канцелярии заводит дело «О постройке завода для выделки белой жести купцом Д. Вальтухом». В 1885 году он открывает торговый дом «Д. Вальтух». Вскоре по ходатайству Городской думы он получает звание почетного гражданина Одессы. В это время к бизнесу подключаются сыновья Бернард, Карл и позже Борис (последний владелец завода). В начале XX века Вальтухам принадлежало более десяти доходных домов и участков в центре

города, на Молдаванке и Ближних Мельницах, и одна из самых больших дач на Французском бульваре (два смежных участка общей площадью более одиннадцати десятин). На даче было построено шесть зданий на двадцать две квартиры. В 1890-е годы владельцем дачи был сын Давида, потомственный почетный гражданин Бернард Вальтух. О размерах участка можно судить по сумме, выделенной на благоустройство проходившей мимо дач Мало-Фонтанской дороги (взнос был привязан к площади участка): самые большие взносы, по пять тысяч рублей, сделали Григорий Маразли и Бернард Вальтух. Последний отказался и от 4641 рубля компенсации за участок земли, который отдал для расширения дороги.

В 1910 году на заводе торгового дома «Б. и К. Вальтух» работало 250 человек и производилось продукции на 500 000 рублей. Основной продукцией была белая луженая и оцинкованная жесть. В качестве «ширпотреба» производились ведра, бидоны для керосина и молока и керосиновые лампы, металлические банки для консервов и декоративные конфетницы-шкатулки. Завод был одним из самых больших предприятий в Одессе.

В 1918 году, убегая от большевиков, в Одессу приезжает крупнейший кинопродюсер России Дмитрий Харитонов, вместе с ним приезжает и большая часть коллектива его московской киностудии. На даче Вальтуха строится большой павильон, в котором доснимают старые фильмы и начинают снимать новые. В январе 1919 года умирает актер Витольд Полонский, через месяц умирает Вера Холодная, часть коллектива эмигрирует, а 23 мая 1919 г. павильон и дачу Вальтухов национализируют. Так начинается история Одесской киностудии и ВУФКУ.

О врачах из династии Вальтух (помимо Арнольда Исааковича в Одессе была еще Ортопедическая больница Иосифа Арнольдovichа Вальтуха, его сына) известно, в том числе, благодаря песенке «Коло Вальтуха больницы», которую полностью приводит Владимир Жаботинский в своем романе «Пятеро».

Благодаря письму Рене Раджио мы теперь знаем и о том, что ее дочь, тоже напрямую причастная к Одессе, стала одной из легенд Метрополитен-музея. После ее смерти в 2009 году в «Нью-Йорк Таймс» был напечатан такой некролог:

«Ольга Раджио, всемирно известный ученый и куратор, которая за почти 60 лет работы в Метрополитен-музее организовала одни из самых известных его выставок, объездила весь мир в поисках сокровищ и сумела получить для экспонирования редко показываемые произведения искусства – от Ватикана до расположенного неподалеку аббатства в Нью-Джерси, – скончалась 24 января в Бронксе. Ей было 82 года, она жила на Манхэттене.

Причиной смерти стал рак, сообщили в музее. Доктор Раджио, ушедшая на пенсию 31 декабря 2008 года с должности почетного научного куратора, не оставила близких родственников.

Одна из первых женщин, возглавивших кураторский отдел в Метрополитен-музее, доктор Раджио руководила отделом европейской скульптуры и декоративного искусства с 1971 по 2001 год. В ее ведении находились десятки тысяч предметов, включая скульптуру, керамику, гобелены, мебель, ювелирные изделия, изделия из металла, стекло, часы, математические инструменты и архитектурные элементы – практически все виды европейского искусства, созданного между 1400 и 1900 годами, за исключением живописи и графики.

Специалист по скульптуре эпохи Ренессанса и барокко во Франции и Италии, доктор Раджио в 1977 году рассматривалась как возможная преемница Томаса Ховинга на посту директора Метрополитен-музея, когда тот ушел в отставку, согласно публикациям того времени. Кроме того, она много лет преподавала в Институте изящных искусств Нью-Йоркского университета.

Ольга Раджио родилась в Риме 5 февраля 1926 года в семье русской матери и итальянского отца. В 1947 году она получила диплом Школы Ватиканской библиотеки, а в 1949 году – степень доктора философии в Римском университете. В 1950 году она поступила на работу в Метрополитен-музей в качестве младшего научного сотрудника.

В музее доктор Раджио сочетала в себе качества историка искусства, дипломата и детектива. Она говорила на шести европейских языках, что было крайне важно в ее непрерывных поисках произведений искусства, которые могли привести ее в любую

точку мира. Однажды наводка торговца привела ее в швейцарский банк, где был открыт сейф, а находившийся в нем предмет выпал прямо на пол. («Это был не самый удачный способ экспонирования, знаете ли», – рассказывала она газете «Лос-Анджелес Таймс» в 1989 году.)

Доктор Раджио узнала в этом предмете бюст Козимо I Медичи (1519-1574), одно из самых ранних известных изображений молодого герцога. Автором работы был выдающийся итальянский скульптор эпохи Ренессанса Баччо Бандинелли. Сегодня этот бюст находится в постоянной коллекции Метрополитен-музея.

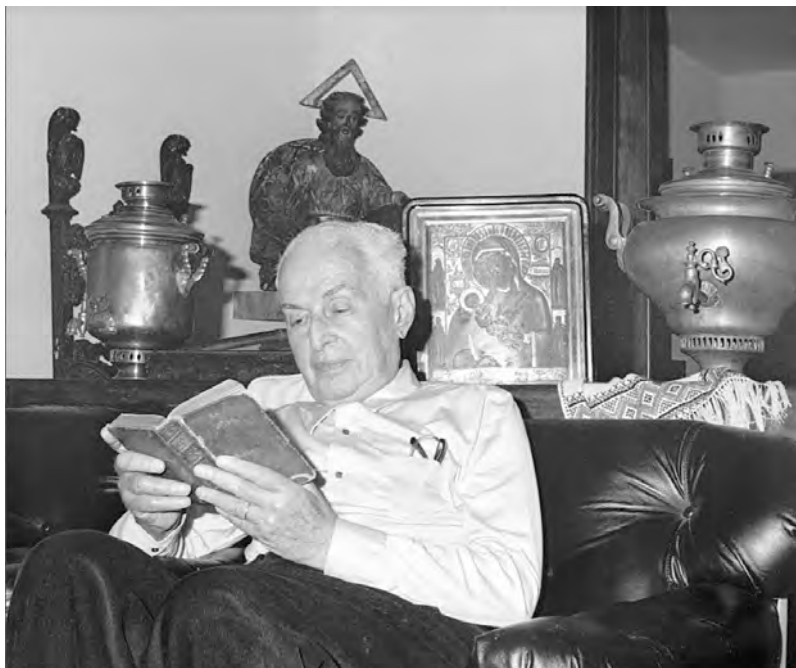
<...> Она написала множество научных статей и несколько книг, включая первый том двухтомного издания «Студиоло из Губбио и его реставрация», опубликованного Метрополитен-музеем в 1999 году. Книга посвящена конкретному studiolo – частному кабинету, созданному в конце XV века для герцогского дворца в Губбио в области Умбрия в Италии».

Так что теперь мы знаем имя еще одного выдающегося искусствоведа, имеющего прямое отношение к Одессе.

Благодаря письму мы узнали и новые подробности из жизни великого архитектора Грегори Варшавчика. Невероятным образом попав в Бразилию (как пишет Рене Раджио, на деньги ее семьи), он стал там одним из самых известных архитекторов-модернистов.

Варшавчик начал изучать архитектуру еще в Одесском политехническом институте и разработал еще в 1917 году проект некоего мавзолея. В Рим, судя по письму его первой супруги, он попал в 1919 году. Там он учился в Институте изящных искусств («Regio Istituto Superiore di Belle Arti»), который окончил 14 июля 1920 года. Первые два года после окончания учебы он работал у профессора и архитектора-неоклассициста Марчелло Пьянчентини (1881-1960), позже ставшего известным как «архитектор режима», и руководил строительством кинотеатра «Савой» (1922) во Флоренции.

В Бразилию Варшавчик приехал в 1923 году, а уже в 1928-м спроектировал и построил для себя первый модернистский жилой дом в стране. Бразилию он описывал как «землю, подготовленную для моих идей и мечтаний», – общество здесь как раз

Григорий Варшавчик

созрело к принятию идей, привезенных им из Европы, – принципов Вальтера Гропиуса, Миса ван дер Роэ и Ле Корбюзье. Поселившись в Сан-Паулу, он почти сразу стал своим среди группы модернистов и интеллектуалов и познакомился с молодой Миной Клабин, дочерью крупного промышленника из элиты Сан-Паулу, на которой женился в 1927 году, став натурализованным гражданином Бразилии.

В 1925 году Варшавчик написал первый манифест модернистской архитектуры в Бразилии, первоначально опубликованный на итальянском языке в газете «Il Piccolo» 15 июня под названием «Футуризм?».

Среди архитектурных работ Варшавчика – дом «Casa Modernista» (улица Санта-Крус, Вилла Мариана, Сан-Паулу, 1928),

дом в стиле модерн (улица Итаполис, Паказмбу, Сан-Паулу, 1930), дом в стиле модерн в Рио-де-Жанейро (1931), ресторан на пляже Копакабана в Рио-де-Жанейро (1932), жилой дом на Аламейда-де-Барао-Лимейра в Сан-Паулу.

А главное – из письма Рене Раджио мы узнали обстоятельства последних месяцев жизни Ильи Штерна, отца Сони Делоне. И он, и его жена Хана были почти наверняка похоронены в Одессе на Втором еврейском кладбище, ликвидированном советскими властями в 1973 году. Могилы их утрачены, но память о людях, давших жизнь одной из самых выдающихся художниц XX века, жива.

